

text
Konstantin Lidin

The phenomenon of the sixtiers was prepared by the previous historical period. The period after the World War II comprises a fundamental change of the world order – from a multipolar world to a confrontation of two superpowers and two ideological systems, and, at the same time, formation of a complex of international organizations on a global scale. In this context, the Soviet architecture made a sharp turn from Stalin's Empire style to an extreme ascetism – the continuation of constructivism of the early XXth century. The Irkutsk architectural school, unlike the main flow of the 1960s, developed the style of Neo-Brutalism. The article draws parallels between Neo-Brutalism of the Irkutsk school and "a severe style" of the Soviet pictorial art of the same period.

Keywords: Sixtiers, Socialist state, Stalin Empire style, Constructivism, Minimalism, Irkutsk architecture school, severe style

References:

Artemov, E. T. (2006) Scientific-technical policy in the Soviet model of late industrial modernization [Nauchno-technicheskaya politika v sovetskoi modeli pozdneindustrialnoi modernizatsii]. Series: Economic history. Documents. Studies. Translations. Moscow: Russiiskaya politicheskaya entsyklopediya.

Bagaturov, A. D. ed. (2003) System history of international relations. Vol. 3. Events of 1945-2003 [Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. T. 3. Sobytiya 1945-2003]. Moscow: Izd-vo Gosudarstvennogo universiteta gumanitarnykh nauk.

Barton, K. (2008) Overarching aid in the time of Stalinism? Soviet health care service and the spirit of the state of prosperity, 1945-1953 [Vseokhvatnaya pomoshch pri stalinizme? Sovetskoye zdravookhraneniye i dukh gosudarstva blagodenstviya, 1945-1953]. Sovetskaya sotsialnaya politika. Stseny i deistviyushchie litsa. 1940-1985. Moscow: Variant, TsSPGI. pp. 174-194.

Bobrikov, A. (2003) A severe style: mobilization and cultural revolution [Surovyy stil: mobilizatsiya i kulturnaya revolyutsiya]. Art magazine [Internet]. № 51/52. Available from: <<http://xz.gif.ru/numbers/51-52/surovo/>>

Завтра началось вчера / Tomorrow Began Yesterday

текст
Konstantin Lidin

1. Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 317 с.

2. Системная история международных отношений. Т. 3. События 1945-2003 / Под ред. Багатуров А.Д. – М.: Изд-во Государственного университета гуманитарных наук, 2003. – 709 с.

3. Быстрова Н. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945-1955 гг.). – М.: Кучково поле, Гиперборея, 2007 г. - 592 с.

4. Верт Н. История России XX век. – М.: Зерцало, 1997. – 356 с.

5. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004-2005.

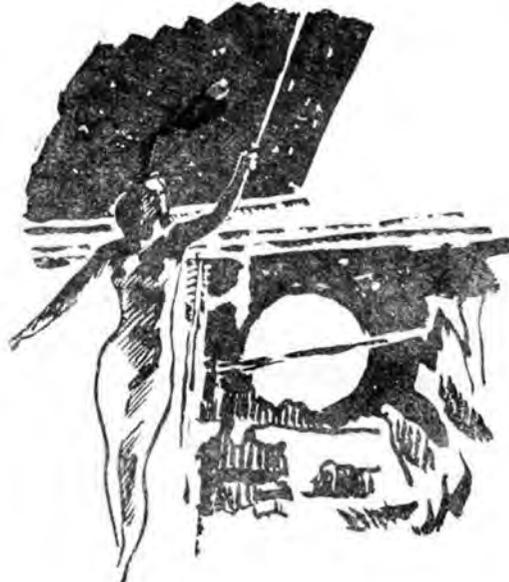
6. Barton K. Всеохватная помощь при сталинизме? Советское здравоохранение и дух государства благоденствия, 1945-1953 // Советская социальная политика. Сцены и действующие лица. 1940-1985. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2008. – С. 174-194.

Феномен шестидесятников подготовлен предыдущим историческим периодом. Период после окончания Второй мировой войны включает кардинальную смену мироустройства – от многополярного мира к противостоянию двух сверхдержав и двух идеологических систем и, одновременно, – формирования комплекса международных организаций глобального масштаба. На данном фоне в советской архитектуре происходит резкий поворот от сталинского ампира к предельному аскетизму – продолжению линии конструктивизма начала XX века. Иркутская школа архитектуры в отличие от основного потока шестидесятых годов развивает стилистику необрутализма. Показаны параллели между необрутализмом иркутской школы и «суровым стилем» в советской живописи того же периода.

Ключевые слова: шестидесятники, социалистический лагерь, сталинский ампир, конструктивизм, минимализм, Иркутская архитектурная школа, суровый стиль.

Когда началась эпоха шестидесятых?

Границы исторических и культурных периодов редко совпадают с круглыми датами календаря. Да и сами эти границы обычно носят зыбкий и условный характер. Однако если считать «шестидесятничество» символом мощного культурного подъема, то его начало следует искать скорее во второй половине пятидесятых годов XX века. Обычно в этой связи называют либо 1953 год (год смерти Сталина), либо 1956 – XX съезд КПСС и начало политики развенчания культа личности.

Период, подготовивший явление шестидесятников, изучен очень слабо. Партийно-государственные архивы тех времен только начинают рассекречиваться – процесс пошел лишь в девяностых годах и далеко еще не завершился.¹ Между тем, период этот уникален по своему значению, причем далеко за рамками истории двадцатого века.

В 1648 году Вестфальским мирным соглашением была заложена многополярная система международных отношений. Тридцатилетняя война закончилась признанием принципов суверенитета национальных государств, а смертельная борьба пожирающих друг друга империй, казалась, ушла в прошлое. Но после Второй мировой войны мир снова превратился в арену противоборства двух «империй». Образовавшиеся сверхдержавы – США и СССР – на последующие пятьдесят лет определили глобальное развитие как противостояние двух идеологий, двух макроэкономических систем и двух политических сил.²

В тот же период создавались небывалого масштаба международные системы, регулирующие отношения между странами и народами. В экономической плоскости таковыми стали Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ, 1948 г.) в рамках Бреттон-Вудского соглашения (1944) и Совет экономической взаимопомощи (СЭВ, 1949). В военно-политической сфере – НАТО (1949) и Варшавский договор (1955).³ Важнейшим фактом международной жизни стало создание ООН (1945), Всемирного банка и Международного валютного фонда (1944). Все эти организации возникли почти одновременно и принципиально изменили характер международных отношений.⁴

< Фильм по роману И. Ефремова снимался в Артеке в 1967 году. Декорации воплощают идеи предельного аскетизма интерьеров – почти в духе Диогена Синопского / A movie version of the novel by I. Efremov was shot in Artek in 1967. Decorations incarnate the ideas of extreme asceticism of interiors – almost like those of Diogenes of Sinope.

В плоскости внутренней политики СССР середина XX века выглядит чрезвычайно противоречиво. С одной стороны, продолжала функционировать огромная репрессивная система ГУЛАГа, включающая в себя миллионы людей и играющая значительную роль в экономике, политике и культуре СССР.⁵ Однако в то же время развивалась система социальной поддержки и защиты граждан.^{6,7} Быстрыми темпами восстанавливалось разрушенное хозяйство, и новый импульс получила отечественная архитектурно-градостроительная отрасль.⁸ Бурно развивался научно-технический комплекс, причем особую роль получил рост региональных научно-технических организаций на востоке страны.⁹ Весьма неоднозначно развивались отношения властных структур с художественной интеллигенцией.¹⁰

Советский Союз внезапно (по историческим меркам) осознал себя в качестве центра огромной международной системы, простирающейся от Германии и Венгрии до Индии и Кореи. Центра не только (а может быть, и не столько) политического, сколько идеологического. На отечественную интеллигенцию, как это было в период после наполеоновских войн, легла обязанность быть «водителями душ и властителями стремлений» для множества стран и народов – системы социалистических государств.

Советские люди действительно верили в светлое коммунистическое завтра. Разногласия возникали только в том, как именно оно, это «завтра» будет выглядеть. И как раз в этом пункте рубеж между пятидесятью и шестидесятью годами выглядит более определенно.

Устремленность в будущее особенно ясно проявилась в той разновидности литературы, которая по определению призвана моделировать грядущие времена и миры – в научной фантастике. Именно в конце пятидесятых придурковатая сталинская фантастика «ближнего прицела» получает мощный импульс со стороны талантливых дилетантов, пришедших в литературу из кругов научной интеллигенции. И самым заметным из таких фантастов стал, разумеется, Иван Ефремов.

В 1957 году журнал «Техника – молодежи» публикует роман «Туманность Андромеды» – эпическое полотно, изображающее широкую панораму коммунистического общества. В этом мире нет насилия, все люди здоровы и красивы, каждый занят интересным, творческим и любимым делом. Бытовые и вообще материальные заботы сняты с человека, так что людям остаются только проблемы морально-этического плана. Первоначально Ефремов относил действие романа на три тысячи лет вперед. Однако довольно скоро реальные успехи в освоении космоса, в медицине, в общественно-политической сфере заставили его приблизить время наступления коммунизма – сперва до двух тысяч лет, а затем и вовсе до неопределенных нескольких веков.

Книга Ефремова произвела впечатление мощного интеллектуального взрыва. Естественно, ее тут же попытались ошельмовать верноподданные добровольные цензоры из «Промышленно-экономической газеты». Писателя обвинили в том, что вместо пролетариата в его будущем мире центральную роль играют люди творческих профессий: ученые, путешественники, художники. Однако попытка не удалась. Официальные круги промолчали. Зато на защиту писателя выступила «Литературная газета», а после гневной отповеди знаменитого астрофизика академика В.А. Амбарцумяна критики совсем примолкли.¹¹

И все же, при всей новаторской смелости, роман для сегодняшнего читателя выглядит слишком статичным, слишком уж неторопливо развивается действие, герои не меняются на протяжении книги. Они как бы застыли в неподвижных, красиво-героических позах. Так они, кстати, и выглядят на иллюстрациях А. Побединского к первому книжному изданию романа (1958 г.).

Всего несколькими годами позже вышла книга братьев Стругацких «Возвращение. Полдень, XXII век» (1962 г.). Авторы – профессиональные ученые и самодельные писатели (как и Ефремов), твердо верящие в коммунистическое будущее человечества. Так же убежденные, что главным признаком этого светлого завтра станет здоровье и красота для всех, интересная

7. Лыскова О. «Каждый трудящийся имеет право на отдых». Услуги советских курортов послевоенного времени // Там же, С. 194-217.

8. Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х - первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М: Либроком, 2009. - 440 с.

9. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. Серия: Экономическая история. Документы. Исследования. Переводы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. - 256 с.

10. Власть и художественная интеллигенция. Серия: Россия. XX век. Документы. М.: МАТЕРИК-АЛЬФА, 2002. - 868 с.

< Иллюстрации к первому книжному изданию «Туманности Андромеды». Люди коммунистического завтра у И. Ефремова так статичны, что становятся похожи на памятники сами себе / Illustrations in the first edition of "Andromeda Nebula". I. Efremov's people of communist tomorrow are so static that look like monuments to themselves.

Bystrova, N. (2007) The USSR and formation of the military block opposition in Europe (1945-1955) [SSSR i formirovanie voenno-blokovogo protivostoyaniya v Evrope (1945-1955)]. Moscow: Kuchkovo pole, Giperboreya.

History of Stalin's Gulag. End of the 1920s – the first half of the 1950s. Collection of documents in 7 volumes [Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. Sobranie dokumentov v 7 tomakh] (2004-2005). Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsyklopediya.

<<http://archigram.westminster.ac.uk/>>

< <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55/>>

Khan-Magomedov, S. O. (2006) Khrushchev's utilitarianism: pluses and minuses [Khrushchevsky utilitarianism: plyusy i minusy]. Academia [Internet]. № 4. Available from:

<<http://niitag.ru/info/doc/?89&print=1>>

Kosenkova, Yu. L. (2009) A Soviet city of the 1940s – the first half of the 1950s. From creative search to building practice [Sovetsky gorod 1940kh – pervoi poloviny 1950-kh godov. Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitelstva]. Moscow: Librokom.

Lysikova, O. (2008) "Every worker has the right to leisure". Services of Soviet health resorts after World War II ["Kazhdyi trudyashchiysya imeet pravo na otdykh. Uslugi sovetskikh kurortov poslevoennogo vremeni]. Sovetskaya sotsialnaya politika. Stseny i deistvuyushchie litsa. 1940-1985. Moscow: Variant, TsSPGI. pp.194-217.

Power and the artistic intelligentsia [Vlast i khudozhestvennaya intelligentsia] (2002). Series: Russia. XX century. Documents. Moscow: MATERIK-ALFA.

Pyzhikov, A. V., Danilov, A. A. (2002) The birth of a superpower. 1945-1953 [Rozhdenie sverkhderzhavy. 1945-1953 gody]. Moscow: OLMA-PRESS.

Revich, V. (1998) The crossroad of utopias. Fortunes of the fantasy fiction against the background of fortunes of the country [Perekrestok utopii. Sudby fantastiki na fone sudeb strany]. Moscow: Izd-vo Instituta stran vostoka.

Revzin, G. (2005) How architects were cut down to size [Kak postroili arhitektorov]. Kommersant Vlast [Internet]. 7 November. Available from: <<http://www.kommersant.ru/doc/624222>>

11. Ревич В. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М.: Изд-во Института стран востока, 1998. – 384 с.

12. Цитируется по: Вишневский Б. Аркадий и Борис Стругацкие: Двойная звезда. СПб.: Общественное объединение Союз Писателей Санкт-Петербурга, 2013.

13. Опубликовано в Интернете по адресу: <http://www.sovarch.ru/postanovlenie55/>

14. Ревзин Г. Как построили архитекторов // Ъ-Власть, 07.11.2005. <http://www.kommersant.ru/doc/624222>

15. Хан-Магомедов С.О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы // Academia, № 4 - 2006 <http://niitag.ru/info/doc/?89&print=1>

> Фотографии комплекса «Морской» (Артек, 1962). Жилые корпуса напоминают палатки, только из бетона / Photos of the Morskoi Complex (Artek, 1962). Living pavilions remind of tents made of concrete.

и творческая работа для всех, невозможность насилия и нищеты... Б.Н. Стругацкий так писал об этой книге: «Мысль написать утопию – с одной стороны, вполне в духе Ефремова, но в то же время как бы и в противопоставление геометрически-холодному, совершенному ефремовскому миру, – мысль эта возникла у нас самым естественным путем. Нам казалось чрезвычайно заманчивым и даже, пожалуй, необходимым изобразить МИР, В КОТОРОМ БЫЛО БЫ УЮТНО И ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ – не вообще кому угодно, а именно нам, сегодняшним». ¹² Собственно говоря, в мире Полудня хорошо жить даже не всем «нам», а лучшим, самым честным, работающим, творческим из нынешних жителей Земли. В этом полуденном мире бездельники, интриганы, хамы и кое-камеры станут исключением, раритетом, не влияющим на мироустройство в целом. Уровень морально-нравственных качеств человека вырастет в среднем, как вырос средний рост – ведь еще сто лет назад обычный человек был ростом меньше нынешнего сантиметров на двадцать. Сегодня такой человек выглядит карликом. Точно так же «нравственные карлики» станут при коммунизме досадной диковиной.

Ефремов и Стругацкие создали не просто картинки «хрустального завтра», а именно целые миры – искусственные реальности, в которых можно и хочется жить. И в следующем поколении, поколении шестидесятников, нашлось довольно много желающих прямо сейчас жить так, как будто эти миры уже здесь. Захотелось переселиться в «полуденную реальность» в своей повседневной жизни, в работе, в личных отношениях. Тем более что и реальный социализм переживал свой полдень, вершинный свой час.

Широчайшая популярность фантастических реальностей объясняется, конечно же, талантом их авторов. Но не только.

Нам, сегодняшним, трудно понять глубину эмоционального выгорания, в котором оказался практически весь мир после полувека вражды, ненависти, жизни в окружении врагов. Начиная с первых десятилетий XX века, и Европа, и Америка и, конечно же, Россия (а

< Попков В. «Строители Братска» (1964). В живописи сурового стиля воплотился особый человеческий тип – сильные, жесткие люди, с которых жизнь соскребла все наносное и поверхностное, оставив только брутальную правду правду / Popkov V. "Builders of Bratsk" (1964). The painting of severe style depicts a specific human type: strong, hard-edged people from whom life has scraped all the husk leaving nothing but a brutal truth

потом – и СССР) были погружены в страх, гнев, фанатическое безумие мировых и гражданских войн, кризисов и путчей. Миллионам людей смертельно надоело бояться и ненавидеть. Отсюда – фантастическая популярность «Битлз», ведь ливерпульская четверка была такой дружной, такой мирной, они так хотели, чтобы была только любовь!

В СССР к тому же накопилась усталость от коллективизма, от свирепых радостей самопожертвования. Пафос великих свершений все чаще воспринимался чем-то фальшивым и натужным. От черно-красной гаммы гнева, радости и гордости потянуло к тихим, скромным и стыдливым, даже печальным переживаниям интеллигентного индивидуализма.

Сравним, например, тексты бардовских песен – современный городской фольклор, отражение действительности непрофессиональными и оттого особо искренними поэтами. Знаменитая песня «Бригантина» (та самая, которая подымает паруса в флибустьерском дальнем синем море) написана на слова П. Когана в бодром, маршевом ритме в 1937 году. А уже в 1956 году Евгений Агранович написал песню, прославленную фильмом «Судьба резидента», – «Я в весеннем лесу...». Тоскливыми, прощальными нотами пропитаны почти все песни начала шестидесятых – Юрия Визбора, Юза Алешковского, Михаила Анчарова, Новеллы Матвеевой и Булата Окуджавы... И даже молодой, хулиганистый Владимир Высоцкий начинал с ностальгичной песенки про Большой Каретный.

Чеховская грусть шестидесятников густо замешана на индивидуализме. Уважительное внимание к отдельной личности, отталкивание идеи коллективного творчества обернулось парадоксальной потерей. Бурно и плодотворно развивались те виды творчества, в которых личность играет центральную роль и замыкает на себя все ключевые процессы – литература, поэзия, кинематограф, живопись... Расцвел театр «звездного» типа во главе с любимовской Таганкой, куда ходили «на Высоцкого», «на Золотухина», «на Демидову».

Архитектура, как искусство принципиально коллективное, оказалась в загоне. Трудно построить дом в

одиночку. И даже спроектировать что-либо значимое невозможно без плотного сотрудничества коллектива специалистов. А коллективная работа зависима от социальных трендов гораздо сильнее, чем творчество индивидуальной личности. Конец же пятидесятых годов характерен мощным поворотом от классики к предельно минималистическому, гипертрофированному авангарду образца двадцатых годов. В СССР этот тренд, как обычно, принял формы совершенно катастрофические. Знаменитое Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года №1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»¹³ обозначило крутой поворот от сталинского ампира к авангарду. Крупные мастера того времени – Иван Жолтовский, Алексей Душкин, Андрей Буров, Григорий Захаров, Александр Власов – были отстранены от профессии (еще спасибо, что никого не расстреляли). Их место заняли архитекторы нового типа, больше похожие на производственников, инженеров.^{14, 15} Архитектура в один момент потеряла статус искусства и должна была теперь развиваться по законам поточного типового «удовлетворения нужд трудящихся». Результат не замедлил себя ждать. Массовая архитектура (а она теперь вся становилась массовой) становилась однообразной и скучной.

Возьмем, для примера, четвертый номер журнала «Архитектура СССР» за 1962 год. Примерно половина номера составлена из подборки статей, посвященных истории ленинского плана монументальной пропаганды. В качестве современного продолжения этого гениального плана перечисляются работы в технике сграффито, витража, мозаики – декоративные элементы плоских фасадов из сборного железобетона. В качестве лучших образцов современной советской архитектуры анализируется два объекта. Один – кремлевский Дворец съездов, описанный в самых восторженных тонах. Второй объект более любопытен с точки зрения сегодняшней. Это комплекс зданий международного пионерского лагеря «Морской» в составе Большого Артека (руководитель проекта А.Т.

^ Молодые иркутские архитекторы-шестидесятники едут на крыше вагона. Тот же человеческий тип / Young Irkutsk architects – sixtiers are riding on the roof of the train. The same human type

Полянский). Скучные параллелепипеды серого бетона в этом проекте оказались так органично вписаны в сложный рельеф крымского побережья, что получился удивительно живописный эффект.¹⁶

Именно в этих зданиях в 1967 году снимался фильм по роману «Туманность Андромеды» (режиссер Е. Шерстобитов). Несмотря на бедность спецэффектов и полное отсутствие компьютерной графики, фильм получился весьма зрелищным. Его пиратская копия до сих пор присутствует на трекерах и пользуется спросом.

Согласно замыслу авторов фильма, люди коммунистического завтра будут жить именно в таких, аскетичных и минималистичных интерьерах. Мебели в них почти совсем нет, весь личный скарб жильца уместается в одном сундучке. Да люди и не живут подолгу в одном месте – приехав, легко вселяются в стандартную комнату, уезжая, быстро собирают несложный багаж.

Здесь можно отметить любопытную переключку с идеями английской группы «Архиграм» (Archigram). Эти британские шестидесятники предлагали строить вместо домов мобильные жилые капсулы на двенадцати ножках. Такую капсулу можно привезти с собой в любое место земного шара, установить, оснастить надувной мебелью, а при желании – все это сдуть и перебраться в новое место. Чуть позже они же предложили идею целых «шагающих городов».¹⁷

Идеология массового переселения в нечто вроде палаточных городков из сборного железобетона или из пенопласта, однако, не привилась. Уже в семидесятые архитектура вернулась к идеям долговечного, неподвижного домостроения.

На общем фоне архитектурной паузы особняком выглядят иркутские шестидесятники. Множество объектов, оригинальных и смелых. Множество ярких личностей. Столкновения мнений, идей, кипение страстей и творческих проектов. Откуда? И, главное – куда? Куда вел путь, которым с таким напряжением сил рвались иркутские архитекторы шестидесятых?

Лично мне представляется, что «героический» период иркутской школы архитекторов – это особая

Vakhtangov, S. (1962) A small city of health and happiness [Gorodok zdorovya i radosti]. Arkhitektura SSSR, № 4, pp. 33-44.

Vert, N. (1997) History of Russia XX century [Istoriya Rossii XX vek]. Moscow: Zertsalo.

Vishnevsky, B. (2013) Arkady and Boris Strugatsky: a Double Star [Arkady and Boris Strugatsky: Dvoynaya zvezda]. St. Petersburg: Obshchestvennoe ob'edinenie Soyuz Pisatelei Sankt-Peterburga.

линия развития, альтернативная аскетизму «мэйнстрима», но плоть от плоти самого духа шестидесятничества. Не голые стены «голубых городов», в которых могут жить только полупрозрачные романтики. Нет, иркутский необрутализм – это плотное, добротное мясо и кости, кирпич и железо. Это дома для людей сильных и реальных, способных противостоять всем крайностям сибирского климата.

Да, индивидуализм, сдержанный и немного грустный. Но не выморочный, не катящийся по поверхности земли с одной гитарой и томиком Вознесенского в рюкзаке. Это индивидуализм, духовно родственный самому плодovитому течению в отечественной живописи шестидесятых – «суровому стилю».¹⁸

Суровый стиль в работах иркутских шестидесятников – это диалог, который на равных ведет Человек и Природа. Трудная, неприветливая и нелюбезная сибирская природа здесь встречает достойного себе человека. Человек этот чужд победительного пафоса пятидесятых. Он просто живет и делает свое творческое дело, никем не притворяясь. И может быть, только сейчас, через полвека, мы начинаем осознавать, насколько востребован этот образ в нашем виртуализующемся мире. Насколько современны нам иркутские шестидесятники.

16. Вахтангов С. Городок здоровья и радости // Архитектура СССР, №4, 1962. – С.33-44

17. см. очень содержательный сайт группы <http://archigram.westminster.ac.uk/>

18. Бобриков А. Суровый стиль: мобилизация и культурная революция // Художественный журнал, № 51/52, 2003. <http://xz.gif.ru/numbers/51-52/surovo/>